

УДК 81

Е.В. Комовская

кандидат филологических наук,

Брянский государственный университет,

komovskaya86@mail.ru

**ЖАНР РОМАНА СОЗЕРЦАНИЯ
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ КАТЕГОРИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА О.В. ПЕЛЕВИНА
«ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»)**

**[*Komovskaya E.V. Genre of vision novel as a separate genre category
(on the example of the novel by O.V. Pelevin “Chapaev and emptiness”)*]**

The historical and art reasons which have influenced the development of new genre category in creativity of O.V. Pelevin are considered. On the basis of comparison and comparison of novels of O.V. Pelevin with other novels of vision and post-modernist novels it is drawn a natural conclusion on the need to consider O.V. Pelevin's novels as independent genre category or as contemplation novels.

Key words: vision novel, novel post-modernist, novel contemplation, genre, genre category.

Любой новый жанр складывается под влиянием исторической действительности и её индивидуального авторского осознания на уровне переосмысления традиционных жанровых канонов, сюжетной и композиционной организации. Исследовательница И.С. Руднева отмечает: «интерпретируя окружающую действительность, человек структурирует ее особым образом» [1, с. 228]. Идея создания романа «Чапаев и Пустота», по мнению С. Полотовского и Р. Козака, возникла случайно, хотя эзотерической литературой О.В. Пелевин увлекался и раньше. В начале девяностых, когда О.В. Пелевин редактировал пятитомник Кастанеды в переводе Василия Максимова, под влиянием данной работы возникает замысел создать антологию русской и советской андеграундной эзотерической литературы. С этой целью О.В. Пелевин предпринимает ряд поездок по стране, чтобы познакомиться с людьми которые «что-то знали об этом движении...» [2, с.116]. Роман был издан в 1999 году издательством «Тема», имел подзаголовок «Из жизни российских мистиков 1960-х – 1990-х» и описывал людей, по мнению исследователя Лебедево, «прошедших по лез-

вию бритвы между КГБ и психбольницами, между фанатизмом и отчаянным разгильдяйством» [4, с.56]. Это исторически напряженное время, в период которого белое нельзя быть названо белым, но и черным оно не было. Данный исторический период, на наш взгляд, создал те необходимые условия для развития необычных в жанровом отношении романов О.В. Пелевина, говорящих правду о действительности 60 – 90-х, но завуалированно.

По мнению исследователей С. Полотского и Р. Казака, «... после «Чапаева» Пелевин стал Пелевиным. По Москве даже гуляли самозванцы, новые «дети лейтенанта Шмидта», охмурявшие доверчивых девушек: «Позвольте представиться: Виктор Пелевин...» [2, с. 128]. Такой успех, на наш взгляд, обусловлен тем, что «...книга Пелевина – настоящая энциклопедия интеллектуальной и духовной жизни России конца XX – начала XXI века...»[5]. Однако единого мнения относительно жанра романа в литературоведении не сформировалось. Существует несколько интерпретаций жанровой специфики романов О.В. Пелевина. Например, А.В. Пигин [6], А.Б. Грибанов [7], Н.Л. Шилова [8] выделяют специфические признаки *виденческого жанра* романа, благодаря которым произведение указанного автора, с их точки зрения, можно рассматривать в рамках данной жанровой категории. Они отмечают следующие черты, позволяющие говорить о романах О.В. Пелевина как виденческих:

1. Присутствие образа визионера.
2. Наличие психофизической основы видения (сон, галлюцинация, летаргия).
3. Указание на духовную, мыслящую природу совершающегося (это ограничивает визионерский «путь в иной мир» от жанра хождений).
4. Ярко выраженная религиозно-мистическая проблематика (эсхатологического характера).
5. Вопросно-ответная форма организации художественного пространства.
6. Наличие ярко выраженного дидактического начала.

Однако Н.Л. Шилова, несмотря на то что рассматривает романы О.В. Пелевина в рамках «видений», отмечает в своей статье под названием «Традиции жанра видений в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота»»: «Роман В. Пелевина не тождествен традиционному видению. Его проблематика и поэтика далеко выходят за пределы обозначенных компонентов, да и сами визионерские элементы в пределах современного текста претерпевают порой значительную трансформацию» [8]. Следовательно, однозначно относить

произведение указанного автора исключительно к «жанру видений» не совсем правомерно и можно, но с некой долей условности.

Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий рассматривают произведения О.В. Пелевина в рамках постмодернистической прозы, указывая, что анализировать романы указанного автора в рамках жанра «дзен-буддийского романа», как их определяет А. Генис, можно и в то же время нельзя [9]. Исследователи ссылаются на то, что О.В. Пелевин иронизирует на протяжении всего художественного пространства над буддийской философией. Однако следует отметить, что «Буддизм в нем – не экзотическая система авторских взглядов, а неизбежный вывод из наблюдения над современностью...»[10]. А. Минкевич, напротив, вслед за А. Генисом утверждает, что «... увидел в «Чапаеве» дзен, тот самый долгожданный российский дзен, которого так заждалась убитая религиозным ханжеством и испушенная бездуховностью российская культурная почва. Это единственное религиозное мировоззрение, на его взгляд, не являющееся религией и совместимое и с христианством, и с буддизмом, и с атеизмом и пантеизмом»[11]. Исходя из этого романы О.В. Пелевина следует, на наш взгляд, определить как «дзен-романы», или «романы-созерцания». Эта точка зрения находит свое закономерное отражение в трактате Х. Ортеги-и-Гассета, который утверждал, что «...действие, сюжет не субстанция романа, а его чисто механическая основа, внешний каркас. Суть жанра (я говорю лишь о современном романе) не в том, что происходит, а в том, что вообще несводимо к этому «происходить» и заключается в чистом «жить»: в жизни, бытии, присутствии персонажей, взятых вместе, в их обстановке. И вот косвенное тому подтверждение: в лучших романах запоминаются не происшествия или события, а их участники. Заглавие книги звучит словно имя города, где прожил какое-то время: слыша его, тотчас же вспоминаешь климат, своеобразный городской запах, особый говор жителей, типичный ритм существования. И лишь потом случайно на ум приходит какая-нибудь конкретная сцена...» [12, с. 395]. Следовательно, романы О.В. Пелевина можно считать первыми романами-созерцаниями в стиле М. Пруста, в которых главным становится не действие, а изучение героем через созерцание окружающего мира. Действительно, книги О.В. Пелевина, по замечанию Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого, наследуют постоянную интертекстуальность, цитирование, смешение жанров, сочетание высокого и низкого, совмещение элитарного и массового, интеллектуального и развлекательного. Книги О.В. Пелевина наподобие постмодернистских выстрое-

ны на основе философского метода, который базируется на критике современной социальной действительности через представление мировоззрений свойственных для общества потребления. Однако, если постмодернистский роман, прежде всего диагноз болезней общества, то роман-созерцание не констатирует, не утверждает, а выявляет и рассматривает с различных сторон мир, не навешивая ему отрицательных или положительных ярлыков. Если в постмодернизме просматривается тоска по Абсолюту, а изгоняя сакральный смысл постмодернисты остаются к нему равнодушны, то в романе-созерцание Абсолют присутствует, но не исключает миражность мира. Если ситуация в постмодернизме указывает, что «никакая философия не может вырасти сама из себя»[9], то тексты О.В. Пелевина – это стремление доказать обратное. Следовательно, на наш взгляд, более верным представляется утверждение С. Гурина, что О.В. Пелевин «... на самом деле... не постмодернист, а скорее анти-модернист...» [13].

Выделим черты отличия романа-созерцания от романа видения и постмодернистского романа:

Во-первых, если в постмодернистическом романе, романе видения происходит сознательное путешествие героя по истории, культуре социума, то есть оно (данное путешествие) нацелено **на поиск себя** в социуме, а абсурдность происходящего призвана показать не возможность найти собственное место в обществе, то «роман – созерцание» отличается именно спецификой путешествия, которое представляет **путь к себе через созерцание этого мира вне** привычных традиций и норм, причем данное созерцание имеет четыре заметных этапа сравнимых с учением дзен:

1. Утверждение, что все вещи есть суть Одно (эпизод, когда Петька выдает себя за Фон Эрнена).
2. Указание, что все вещи в действительности суть Ничто, Пустота (эпизод разговора Петьки с Чапаевым в поезде).
3. Осознание гармоничности мира в его естественном состоянии без разделения понятий добра и зла (эпизод переправы Петьки через реку Урал).
4. Финальное понимание того, что ответ на поднимаемые вопросы содержится в самом вопросе, или вопрошающем (Петька в бронепоезде с Чапаевым).

Кроме того, сам путь в постмодернизме «... определен как постоянное бегство, без веры и надежды на счастливый исход, только падение в пропасть. Постмодернизм – это игра в поддавки, это заранее проигранная пар-

тия»[13]. В пелевенских романах путь – это освобождение и «есть люди, которые уже прошли по нему и готовые помочь другим...» (Станислав Гурин). Следовательно, если в постмодернизме идет полное отрицание Пути к освобождению, то у О.В. Пелевина путь освобождения существует и находится он внутри нашего сознания. По О.В. Пелевину: гармоничная личность – это личность, прошедшая путь освобождения от стереотипов, в результате чего ей открыта многогранность этого мира.

Путь героя в романах видениях пронизан религиозно-мистической проблематикой, в то время как на пути к себе герой О.В. Пелевина мистически встречается с различными философскими концепциями, суждениями, учениями, далекими от, свойственного роману видения, эсхатологического характера.

Во-вторых, если постмодернистический роман изображает заведомо ложный, абсурдный мир за счет гиперболизации тех или иных идей, то как писал А. Генис в статье «Поле чудес» у Пелевина все созданные им миры «не являются истинными, но и ложными их тоже назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-то в них верит...»[14]. Его мир – это мир созерцание, представленный глазами отдельного человека, который ищет путь к себе.

Однако если постмодернизм представляет мир на уровне восприятия как плод раздвоенного, поврежденного, шизоидного сознания, то тексты О.В. Пелевина в плане личного восприятия этого мира героем представляют «мир как мираж», в котором наряду с вопросно-ответной формой организации пространства изобилуют концептуально значимые отдельные монологи героев, в данных монологах персонажи О.В. Пелевина задумываются над тайнами бытия.

В-третьих, концепция человека в постмодернизме строится исходя из основной формулы Ф. Ницше «человек должен перестать быть человеком»[15,с. 255], для этого необходимо освободить в себе то, что уже есть в нас, но от нас не зависит, отсюда представление различных деструктивных начал в человеке и множественность его Я. О.В. Пелевин же представляет в своих произведениях, по примеру классических учений дзен-буддизма, два типа человеческого сознания, исходя из их созерцания мира. Первый тип: психическая энергия направлена **во внешний мир** (это образы стяжателей, обрастающих вещами, создающих для себя наиболее комфортабельные условия жизни) (Тимур Тимурович, санитары). Второй тип – это люди, у которых данная энергия находится **внутри** (это образы неформалов, сума-

сшедших), они вышли за рамки устоявшихся норм социализации. Такой человек в романах О.В. Пелевина представлен *«вне идеи», в нем отсутствуют категоричность суждений о добре и зле, он легко переходит из реальности в ирреальность и наоборот, каждый подобный герой стремится к освобождению сознания для нового созерцания мира.*

Для образов визионеров свойственно наличие сна, видения, под влиянием которого герой убеждается в верности, либо ложности избранного им пути. Совсем иная цель галлюцинаций у О.В. Пелевина. Герои в кошмарах, снах, видениях не ищут подтверждения верности-неверности своего пути как образы Ф.М. Достоевского, они пытаются отыскать путь к себе, найти себя и обрести, наконец, гармонию.

В-четвертых, если в постмодернизме человека в художественном пространстве окружает мир, состоящий из множества симулякров (копий, не имеющих оригинала в реальности), то мир романов О.В. Пелевина – это Пустота, однако данная пустота более напоминает «шуньяту» из учения дзен-буддизма и подразумевает под собой непостижимость, нежели отсутствие чего бы то ни было вообще. Только познав пустоту (или непостижимость окружающего мира), человек по О.В. Пелевину способен к всестороннему созерцанию мира.

В-пятых, для постмодернизма при описании мироустройства характерно наличие оппозиции реальности – ирреальности, личного – безличного, памяти – забвения, власти – свободы, в то время как в романах О.В. Пелевина нет бинарности, одно незаметно перетекает в другое и составляет единое целое. Такая «текучая» художественная организация, в которой отсутствует ярко выраженная оппозиция, лишает текст дидактического характера, что является неприменным условием жанра видений.

В-шестых, если реалисты (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский) основной путь героя видели в нахождении себя в христианских заповедях, идеальный герой в их представлении – это «Иисус минус церковь», отсюда стремление к освобождению души человека. Постмодернисты под идеальным героем понимают героя достигшего **солипцизма**, или осознающего абсурдность этого мира, поэтому единственным ориентиром для него становится собственное индивидуальное сознание. У О.В. Пелевина идеальный герой – это герой **вне солипцизма**, то есть такой герой, который осознает иллюзорность как соб-

ственного индивидуального сознания, так и окружающего мира (примером тому служит образ Петьки, который в какой-то момент понимает, что Чапаев – это его вымысел и все с ним происходящее это вымысел, реальность – это та лечебница, в которой он находится, но даже она нереальна, так как мир устроил некий Котовский).

В-седьмых, каждый из героев романов О.В. Пелевина не стремится к действию, он полностью подчинен созерцанию. (Петр Пустота следит за Володиным, Просто Марией, Чапаевым, однако он не занимает никакой позиции, он не стремится участвовать в действительности, также и Володин, Просто Мария они созерцают собственный мир и не стремятся занять по отношению к нему какую-либо позицию). В романе – созерцании нет деления на идеологические лагеря, нет вечного поиска личного Я, что характерно для романов Толстого, Достоевского. В романах О.В. Пелевина мир представлен как сознание отдельного человека и чем оно шире, чем дальше от стереотипов, тем богаче и многогранней мир героя.

В нем мир представлен как созерцание отдельного человека. В этом О.В. Пелевин следует за принципиальным утверждением трактата «Мысли о романе» Х. Ортеги-и-Гассета: «... Любая человеческая судьба, если она до конца не искалечена, – это уникальный аппарат наблюдения, целая обсерватория, которая неповторима ...»[12,с.118]. Следовательно, *мир романов О.В. Пелевина – это «обсерватория» созерцания различных типов и характеров.*

В-восьмых, принципиальным отличием романов-созерцаний от других романских форм является то, что если **философские романы** трагедию мира представляли как невозможность разрешить извечные вопросы; **психологические** все противоречия объясняли «диалектикой души» и личным Я человека; **социальные** трагедию человека представляли через призму общественных организаций и окружение, то указанная романная категория основную трагедию видит **в невозможности человека созерцать мир, воспринимать его** вне традиционных стереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Руднева И.С.* Гендерный аспект портретной характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. №2.
2. *Полотовский С., Козак Р.* Пелевин и поколение Пустоты. М., 2012.
3. *Москалев С.* Словарь Эзотерического слэнга. М., 2008.
4. *Лебедько В.* Хроники российской Саньясы. М., 1999.
5. *Станислав Гурин.* Пелевин между буддизмом и христианством / URL.- [Электронный ресурс]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
6. *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира в рукописной книжности. СПб., 2006.
7. *Грибанов А.Б.* Заметки о жанре видений на Западе и на Востоке // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации.-М., 1989. Восток – Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып.4.
8. *Шилова Н.Л.* Традиции жанра видения в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Литература в контексте современности: Материалы III Международной научно-практической конференции (Челябинск, 15-16 мая 2007 года). Челябинск, 2007.
9. *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950 –1990-е годы: Т.2.: 1968-1990. М., 2003.
10. *Генис А.* Феномен Пелевина.-URL.-[Электронный ресурс]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
11. *Минкевич А.* Поколение Пелевина.-URL. [Электронный ресурс]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
12. *Ортега-и-Гассет Хосе.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
13. *Станислав Гурин.* Пелевин между буддизмом и христианством. URL. [Электронный ресурс]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
14. *Генис А.* Поле чудес / URL. [Электронный ресурс]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
15. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Соч. М., 1990. Т.2.

16. *Муриков Г.* Конспирология нашего времени (Пелевин В.О. «S.N.U.F.F.») URL.-[Электронный ресурс]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
17. *Сычева Е.Н.* Стихия земли в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2.

REFERENCES

1. *Rudneva I.S.* The gender dimension of the portrait characteristics in Russian memoirs and autobiographical literature of the second half of the XVIII - XIX centuries the first third // Herald Bryansk State universieta. 2013. №2.
2. *Polotovskiy S., R. Kozak* Pelevin and generation of the Void. M., 2012.
3. *Moskaliev S.* Esoteric Dictionary slang. Moscow, 2008.
4. *Liabedzka V.* Chronicles Russian Sanyasa. Moscow, 1999.
5. *Stanislav Gurin.* Pelevin between Buddhism and Christianity / URL .- [electronic resource]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
6. *Pigin A.V.* Visions of the afterlife in the manuscript literacy. St. Petersburg., 2006.
7. *Gribanov A.B.* Notes about the genre of visions in the West and in the East // East-West: Is-repetition, translation, publications -M., 1989. East - West: Studies PEREVI-dy, publications. Moscow, 1989. No.4.
8. *Shilov N.L.* Tradition of the genre of the novel vision V.Pelevin "Chapaev and Emptiness" // Literature in the context of modernity: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, 15-16 May 2007). Chelyabinsk, 2007.
9. *Leiderman N.L., Lipovetsky M.N.* Modern Russian Literature: 1950 -1990's: V.2 .: 1968-1990. Moscow, 2003.
10. *Genis A.* phenomenon Pelevina.-URL .- [electronic resource]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
11. *Minkevich A.* Generation Pelevina.-URL. [Electronic resource]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
12. *Ortega y Gasset Hoss.* Aesthetics. Philosophy of Culture. Moscow, 1991.

13. *Stanislav Gurin*. Pelevin between Buddhism and Christianity. URL. [Electronic re-LAS]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
14. *Genis A.* Field of Dreams / URL. [Electronic resource]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
15. *Nietzsche F.* Beyond Good and an explanation of // Vol. M. 1990. T.2.
16. *Murik G.* Conspirology our time (Pelevin VO «SNUFF») URL .- [electronic resource]: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.
17. *Sychev E.N.* Elements of the earth in the poetical phraseology of FI Tyutchev // Herald Bryansk State universieta. 2013. № 2.

14 августа 2014 г.
